

РЕКИ ОГНЕННЫЕ

1

Ванька-Граммфон да Мишка-Крокодил такие-то ли дружки – палкой не разгонишь. С памятного семнадцатого годочка из крейсера вывалились. Всю гражданскую войну на море ни глазом: по сухой пути плавали, шатались по свету белу, удаль мыкали, за длинными рублями гонялись.

Ребята – угар!

Раскаленную пышущим майским солнцем теплушку колотила лихорадка. Мишка с Ванькой, ровно грешники перед адом, тряслись последний перегон, жадно к люку тянулась.

– Хоть глянуть.

– Далеко, глазом не докинешь...

На дружках от всей военморской робы одни клеши остались, обхлестанные клеши, шириною в поповские рукава. Да это и не беда! Ваньку с Мишкой хоть в рясы одень, а по размашистым ухваткам да увесистой сочной ругани сразу флотских признаешь. Отличительные ребятки: нахрапистые, сноровистые, до всякого дела цепкие да дружные.

Нащет эксов, шамовки али какой ни на есть спекуляции Мишка с Ванькой первые хваты, с рука-, ми оторвут, а свое выдерут. Накатит веселая минутка – и чужое для смеха прихватят. Черт с ними не связывайся – распотрошат и, шкуру на базар. Даешь-берешь, денежки в клеш и каргала!

За косогором

море

широко взмахнуло сверкающим солнечным крылом.

Ванька до пупка высунулся из люка и радостно заржал:

– Го-го-го-го-го-о-о... Сучья ноздря... Даешь море...

Мишка покосился на друга.

– И глотка ж у тебя, чудило. Гърмафон и гърмафон, истинный господь, заржешь, будто громом фыркнешь, я, чай, в деревнях кругом на сто верст мужики крестятся...

В груди теплым плеском заиграла радость...

Пять годков в морюшке не полоскались, стосковались люто.

Ветровыми немерянными дорогами умчалась шальная молодость и пьяные спотыкающиеся радости...

Ванька влип в отдушину люка – в двое рук не оторвешь – глаза по морю взапуски, думка дымком в бывье...

Мрачные, как дьяволы, мешочники валялись по нарам. За долгую дорогу наслушались всячины. Завидовали житьишку моряцкому:

– От ты и знай... Кто живет, а хто поживает.

– Фарт не блоха, в гашнике не пьмашь...

– Кому счастье, а кому счастьеце...

Теплушка замоталась на стрелках.

Дружки торопливо усаживали на загорбки мешки свои, обрадованно гудели дружки:

– Чуешь стольго версдужег одсдугали...

– Машина чедьре голеса,

Пригрохали.

С вокзала неторопливо шли по знакомым улицам. Разглядывали дома и редкие уцелевшие заборы. Попридерживали шаг у зеркальных окон обжорных магазинов, – слюна вожжей, – в полный голос мечтательно ругались:

- Не оно...
- Какой разговор, все поборол капитал.
- Наша стара свобода была куда лучше ихой новой политики.
- Была свобода, осталась одна горька неволя.
- Мамевька, сердце болит...

Взгрустнулось о семнадцатом-восемнадцатом годочке, очень подходящем для таких делов: грабнул раза и отыгрался, месяц живи, в карман не заглядывай.

– Давить их всех подряд...

– Врось, Ванька... Говорено-говорено да и брошено. Бить их надо было, когда оружие в руках держали, а теперь – грызи локоть...

- Мало мы их били...
- Мало...

Мотнулись в порт.

- Чур не хлопать... Йогой на суденьшко, кока за свисток, лапой в котел!
- Ну-ну...
- Охолостим бачка два, штоб пузяко трещало.
- Слюной истекешь ждамши-то.

Бухту заметал гул.

Сопя и фьркаая, ползали буксиры. Сновали юркие ялики. На цристанях и вокруг лавчонок вилось людье, ровно рябь над отмелью. Корпуса морских казарм, похожие на черепаха, грелись под солнышком на горе. Полуденную знойную тишину расстреливали судовые гудки.

Ванька харкнул на кружевной зонтик дамы, плывущей впереди, коротко проржал, будто пролаял, и повернулся облупленнорожий к корешку.

– Монета е?

– Ма, – и карманы Мишка выворотил, разбрыливая махорку. Да откуда и взяться деньгам, ежли еще вчера...

- Хха.
- Ххы.
- Вит дело, сучий потрох, умрешь – гроб не на што купить.
- Заслужили мы с тобой алтын да копу, да...
- В три спаса, в кровину, в утробу мать!

Призадержались у лавчонки. Што один, то и другой. Одного направления ребятки.

- Дернем?
- Дернем.
- Майна брашпиль?
- Майна.
- Ха.
- Хо.

Мырнули под крыло двери.

Сидели за мраморным столиком, жадно уминали окаменелую колбасу, прихлебывали ледяное пивцо и гадали, какая сольется.

– Ходили-ходили, добра не выходили. Опять не миновать какому-нибудь товарищу в зубы заглядывать.

- Ножик вострый.
- Нашинску братву пораскидали всю.
- Край.
- Во все-то щели кобылка понабилась, а кобылка – народ невзыскательный

- што в зубы, за то и спасибо"
- Вань, щека лопнет.
 - Г-гы... - намял Ванька полон рот колбасы и глаза выкатил. Грохнул Ванька комлястым кулаком по столу и промычал:
 - Омманем... Не кручинься, елова голова, омманем...
 - Главный козырь - на суденьшко грохнутья.
 - Первое дело.
 - А в случай чего и блатных поискать можно.
 - По хазам мазать?
 - Почему не так? И по хазам можно, и несторушку где скovyрнем.
 - Чепуха, - говорит Ванька, - нестоящее дело... Мы с тобой и в стопщиках пойдём первыми номерами.
 - Не хитро, а прибыльно.
 - Не пыльно, и мухи не кусают.

В гавани
динь-длянь:
четыре склянки.
Братки заторопились.
За шапки,
за мешки,
хозяин счетами трях-щелк.
- Колбасы пять фунтов...

Мишка засмеялся,
Ванька засмеялся.

- Не подщитывай, старик, все равно не заплатим...
- Рассовывая по карманам куски недоеденного сыра - от колбасы и шкурок не осталось - Ванька примиряюще досказал:
- За нами не пропадет, заявляю официально...
- У хозяина уши обвисли.
- Товарищи матросы, я, я...
- Покатились, задребезжали счеты по полу...
- Мишка подшагнул к хозяину и надвинул ему плисовый картуз на нос.
- Старик, ты нам денег взаймы не дашь?.. А?
- Черный рот хозяида захлебывался в хлипе, в бормоте...
- Ванька вмиг сообразил всю выгодность дела. Ухватился за ввернутое в пол кольцо, понапружился, распахнул тяжелую западню подпола.
- Живо!
 - Бей!
 - Хри-хри-христое...

Старика пинком в брюхо
в подпол.
Западня захлопнулась.
- Есть налево!

- Фасонно.
- Деловито обшарили полки, прилавок. Выгребли из конторки пачки денегат. Сновали по лавке проворнее, чем по палубе в аврал.
- Стремь, Ванчо.
 - Шемоняй.

Мишка кинулся в комнату, провонявшую лампадным маслом и дельфиньей поганью.

Ванька из лавки вон. У двери присел на тумбу и, равнодушно поглядывая по сторонам, задымил трубкой.

К лавке подошла покупательница, хохлатая старушка.

Ванька поперек.

– Торговли нет, приходи завтра,

– Сыночек, батюшка...

– Торговли нет, учет товаров!

– Мне керосинцу бутылочку...

– Уйди!.. – рассердился матрос и угарно матюкнулся.

Старуха подобрала юбки и, крестясь, отплевываясь, отвалила.

Мишка из лавки, на Мишке от уха до уха улыбка заревом, банка конфет под
полой у Мишки.

– Не стремно?

– Ничуть.

– Пошли?

– Пошли, не ночевать тут.

– Клево дело!

Неподалеку на углу, подперев горбом забор, позевывал мордастый "пес": в
усах, в картузе казенном, и пушка до коленки.

Подкатились к нему.

Из озорства заплели вежливый разговор:

– Землячок, скажи, будь добер, в каком квартале проживает крейсер
нашинский? До зарезу надо...

– Ищем-ищем, с ног сбились...

Щурился "пес" на солнышко... Судорожным собачьим воем вздвоил позевку и
прикрыл пасть рукавом.

– Не знаю, братки...

Угостили дядю конфетами, пощупали у него бляху на груди.

– Капусту разводишь?

– Да не здешний ли ты?

Польщенный таким вниманием, милицейский откачнулся от забора,, чихнул,
высморкался в клетчатый платок и окончательно проснулся... Даже усы начал
подхорашивать.

– Мы дальни, ярославски... А зовут меня фомой... Фома Денисыч
Лукоянов... Моряков я страх уважаю... У меня родной дядя Кирсан, может,
слышали, на Варяге плавал.

Ванька дружески хлопнул его по широкой лошадиной спине.

– И куфарка у тебя е?

– Есть небольшая, – виновато ухмыльнулся Фома, но сейчас же подтянул
засаленный кобур и Строгб кашлянул.

А матросы бесом-бесом.

– Дурбило, зачем же небольшая? Ты большую заведи, белую да мяжкую, со
сдобом.

– На свадьбу гулять придем, – Прощай.

– Прощевайте, братишки.

По берегу полный ход.

– По дурочке слилось.

– Ха-ха.

– Хо-хо.

Конфеты в карманы,

банку об тумбу.

3

С утра бушевал штормяга. К вечеру штормяга гас.

Из дымной дали, играя мускулами гребней, лениво катили запоздалые волны
и усталыми крыльями бились В мол. Зачарованный ветровыми просторами, на
горе дремал город, в заплатках черепиц и садов похожий на бродягу

Пройди-сеет...

В Ваньке сердце стукнуло.
В Мишке сердце стукнуло,
враз стукнули сердца.
– Вот он!.. Родной!
– Вира брашпиль!
Обрадовались, будто находке, кораблю своему.
Кованый,
стройный,
затянутый в оснастку –
сила
не корабль, игрушка, хоть в ухо вэдень.

Топали по зыбким деревянным мосткам.. Топали, уговаривались.
– Бухай, да не рюхай.
– Не бойсь, моря не сожжем.
– Расспросы-допросы.. Как да што? Партейные ли вы коммунисты? Лей в
одно: так и так, мол, оно хошь и не гармонисты, а все-таки парни с добром.
Нефть и уголь и золотые горы завоевали, сочувствуем хозяйственной разрухе
и так далее.
– Не подморозим, сверетеним.
– Бултыхай: "служим за робу".
– Для них не жалко "последнее из штанов вытряхнуть..."
Замусоренная бухта круто дышала перегаром угля, ржавым железом и
сливками нефти.
Синий вечер.
Кровью затекало закатное око. Качелилось море в темно-малиновых парусах.

У трапа волчок.
Шапка матросская,
под шапкой хрящ,
ряжка безусая,
лощ, прыщ,
стручок зеленый.

– Вам куда, товарищи?
– Как куда? – упер Мишка руки в боки. – Имеешь ли данные нас
допрашивать?
– То есть, я хотел...
– Козонок.
– – и Ванька шутя попытался вырвать у парня винтовку.
Тот зашипел, как гусь перед собаками, вскинул винтовку на изготовку и
чуть испуганно:
– Чего надо?
Братки в рев:
– Ах ты, лярва!
– Мосол!..
– Моряк, смолено брюхо!.. Давно ли из лаптей вывалился?
– На! Коли! Бей!
И давай-давай гамить. От их ругани гляди-гляди мачты повалятся, трубы
полопаются Завопил волчок:
– Ваааахтенный!.. Товарищ вааа...
Подлетел вахтенный начальник:
– Есть!

Вахнач такой же сморчок: из-под шапки чуть знать, клеш ему хоть под горлом застегивай, на шее свистулька, цепочка медная, кортик по пяткам бьет.

- Кто тут авралит? Ваши документы.
- Почему такое, бога мать...
- Штык в горло, имеет ли данные?

* * *

В это же время в боцманской каюте старик Федотыч мирно беседовал с выучениками машинной школы Закроевым и Игнатьевым. Завернули они к нему на деловую минутку да и застряли: любили старика, ласковее кутенка было сердце в нем.

Бойкими гляделами по стенам, по цветным картинкам.

- Товарищ боцман, а это што за музыка?

Гонял Федотыч иголку, бельишко латал, - зуд в руках, без дела минутки не посидит, - гонял боцман иголку и укачивался в зыбке воспоминаний.

- Это, хлопцы, английский город Кулькута, в расчудесной Индии помещается... Город ничего, великолепный, только жалко, сляпан на деревенскую колодку: домов больших мало.

Оба-два:

- И чего торчим тут? Сорваться бы поскорее в дальнее...
- Расскажите нам, Лука Федотыч, что-нибудь из своих впечатлений.

Обметан былъем, глаз старика легок.

- Впечатлениями заниматься нам было не время... Неделю две треплет-треплет тебя, бывало, в море: моги-и-и-ила... Бьет и качает тебя море, как ветер птицу... Ну ж, дорвешься до сухой пути - пляши нога, маши рука, г-гу-ляй!.. Мокни, сердечушко, мокни в веселом весельице... Раздрайкаграздрайка, бабы-бабы...

Оба парня в думе, ровно в горячей пыли:

- Эх-ба...
- А волны там большие бывают?

Отложил боцман работу, плечо развернул, кремнистым глазом чиркнул по молодым лицам, перемазаным олеонафтом и жирной копотью.

- Дурни...

Помолчал, пожевал губами, строго и торжественно поднял руку.

- Окиян...

Обмяк старый боцман:

- Местечки там есть глыбиной на сотню верст... Можя, и больше, убедительно сказать не могу, сам не мерил, зйающие люди сказывали... Одно слово: окиян...

Молодые языки россыпью смеха, молодые языки бойки:

- Ого.
- Эге.
- Страны, народы... Интересно, комсомольцы у них теперь есть?
- Понятно, - подсказал Закроев. - Тянет ветер от нас, ну и там волну разводит...

Старик разохотился, свое высказывает:

- Этого не знаю и врать не хочу... А бабы вот у них е-е-есть... Прямо, надо сказать, проблинатические бабы: за милу душу уважут, так уважут - чуть уползешь. В наших некультурных краях ноги на нет стопчешь, а таких баб не сыщешь...

И год пройдет, и два пройдет, и пять годов пройдет, а она тебе, стерва, все медовым пряником рыгается...

От хорошей зависти зачесался Закроев, ровно его блохи закусали:

сосунок, волос густой, огневой отлив – метелка проса спелого, по дубленому лицу сизый налет, в синюющих глазах польнь сизоперая. Пахло от Закроева загаром, польнью и казенными щами.

Наслушался парень, защемило в груди, разгорился:

- Хренова наша службишка... Сиди тут, как на цепи прикованный...
- Хуже каторги...

Старик на растопыренных клешнях разглядывал латки, выворотил подсиненные голодовкой губы:

- Не вешай, моряк, голову...
- Да мы ничего...

– Разве ж не понимаем, разруха. Ничего не во пишешь, разруха во всероссийском масштабе.

– Про берег думать забудь... О марухе, о свате, о брате, о матери родной – забудь... К кораблю льни, его, батюшку, холь...

Так-то, ребяташки, доживете и вы, все переглядите, перещупаете... А пока вникай и терпи. Служба, молодцы, ремесло сурьезное. Где и так ли, не так ли – молчок... И навернется горька солдатская слеза – в кулак ее да об штанину, только всего и разговору. Дисциплинка у вас форменная, это верно, да и то сказать, для вашей же пользы она: жир лишний выжмет, силой нальет.

Игнатъев сказал, ровно гвоздь в стенку вбил:

- Дисциплина нам нет ништо, с малых лет к ней приучены.
- Советские начальники ваше деликатное обращение уважают. Чуть што, счас с вами за ручку, в приятные разговоры пустятся, выкают... С матросом и вдруг за ручку, это дорогого стоит... Эх, коммуныта вы, коммуныта, ежли бы знали, сколько мы, старики, бою вынесли...

– И мы, Лука Федотыч, не из робких... И мы мяты, терты, на всех фронтах польскались.

– Ну мы-ста, да мы-ста, лежачей корове на хвост наступили, герои, подумаешь! Говорено – слушайте, жевано – глотайте.

– Вари-говори.

– Послушать интересно.

– Д-да, так вот еще на памяти, дай бог не забыть, в ту Кулькуту, в индейскую землю, довелось мне плавать с капитаном Кречетовым. Ох и лют же был, пес, не тем будь помянут, беды,,. В те поры я еще марсовым летал. В работах лихой был матрос, а вот, поди ж ты, приключилось со мной раз событие:

не успел с одного подчерку марса-фал отдать... Подозвал меня Кречетов и одним ударом, подлец, четыре зуба вышиб... Строгий был капитан, царство небесное... А то еще помню...

В дверь стучок.

В дверь вахнач.

– Лука Федотыч, на палубе безобразие.

– Лепортуй.

Вахнач доложил.

– Ежли пьяны, гнать их поганым помелом! – приказал боцман.

– Никак не уходят, вас требуют.

– Меня?

– Так точно.

– Кто бы такие?... Пойти взглянуть...

На палубе свадьба галочья вроде.

Мишка в обиде, Ванька в обиде:

– Штык в горло...

– Собачья отравка... Чьырнадцать раз ранен.

И прочее такое.

Боцман баки огненные взбил и неторопливо грудью вперед:

– В каком смысле кричите?

Ванька зародовался,
Мишка зародовался:
– Федочч!..
– Родной!..

И старик узнал их. Заулыбался, ровно сынам своим.
По русскому обычаю поцеловались и раз, и другой, и третий.
– Баа... Ваньтяй... Бурилин...
– Жив, Федочч?... А мы думали, сдох давно...
– Каким ветром вынесло?... Ждал-ждал, все жданки поел.
Волчок с недовольным видом отшагнул, пропуская на корабль горластых гостей.

4

В каюте обрадованный Федотыч с гостями.
Помолодели ноги, и язык помолодел, игрив язык, как ветруга морской.
Легкой танцующей походкой старого моряка боцман бегал по каюте вприпрыжку и метал на кон все, что нашлось в запасе. Не пожалел и японского коньяку бутылочку заветную, которая с давна хранилась в походной ковanej шкатулке.
– Раздевайтесь, гостечки желанные, раздевайтесь, милости просим...
Дружки стаскивали рванину.
– Скрипишь, говоришь?
– Ставь на радостях пьянки ведроСтарик забутыливал и тралил закусками стол.
– Скриплю помалу... Раньше царю, теперь коммуне служить довелось. Чего ты станешь-будешь делать?... Живешь, землю топчешь, ну, знач, и служи... Давненько не залетывали, соколики, давненько...
– Не вдруг.
– Сквозь продрались.
– Подсаживайся, братухи, клюйте... Корабли по сухой пути не плавают.
Ваньку с Мишкой ровно ветром качнуло:
– Нюхнем, нюхнем, почему не так, взбрызнем свиданьице.
– Пять годков, можно сказать...
Искрились стаканчики граненые, вываливались пересохшие языки: ну, давай...
– Ху-ху, – заржал Ванька и закрутил башкой, – завсегда у тебя Лука Федочч, была жадность к вину, так она и осталась.
И нет ничего в бутылке, а все трясешь, выжимаешь, еще капля не грохнет ли...
– И капле пропадать незачем... Ну, годки, держите... Бывайте здоровеньки... Дай вам бог лебединого веку, еще, может, вместе послужить придется...

Чокнулись,
уркнули,
крякнули.

– Мало... Тут на радостях ковшом хлестать в самый раз!
– Пока ладно. Счас кофею сварю. Где были, соколы?
– Ты спроси, где мы не были?
– Пиры пировали, дуван дуванили...
Кофей в кружки, старик в шепоток:
– На троицу подъявлялся тут Колька Галчонок, из-под Кронштадту чуть вырвался... По пьянке ухал, что вы с Махно ударяли?

– Боже упаси.

– Огонь в кулак, вонь по ветру.

Наверху языкнули две склянки. Невдалеке суденьшко бодро отэхнулось: динь-нь-ом... динь-нь-ом... И еще бойким градом в лоток бухты зернисто посыпались дини-бомы. По палубе топоток-стукоток – команду выводили на справку, а по-солдатски сказать, на поверку.

– Бессонов?

– Есть!

– Лимасов?

– Есть!

– Кудряшов?

– Есть!

– Закроев?

– Есть!

– Яблочкин?

– Есть!

– Есть!

– Есть!

– Есть!

Гремела команда:

– Шапки на-деть! По своим местам бе-гом!

По палубе хлынул бег,
в парусиновую подвесную койку
укладывался корабль спать.
В Мишке сердце стукнуло,
в Ваньке сердце стукнуло,
враз стукнули мерзлые, отошальные
сердца.

– Кораблюха...

– Распиши, старик, как живете, чем дышите?

Подмоченный коньяком боцман морщился и вываливал новости:

– Живем весело, скучать недосуг. Работа одна отрада, одна утеха, а так ни на что не глядел бы... Назола, не жизнь... Моряков старых всего ничего осталось, как вихорем пораскидало..

На оторвут... Все загибают в свои лапы эти камсалисты крупа...

Взгалдели:

– Ботай, чудило... Как же без нас-то?

– Мы в гвозде шляпка.

– То-то и оно, шляпки ноне не в почете.

Охнули,

ххакнули,

задермушились:

– Тузы, шестерки, винновы козыри...

– Старый моряк... Мы – девятый вал!

Мах рукой просмоленной, обугленной в солнышке.

– Девятый?... А то идет десятый вал... Полундра! Все накроет, все захлестнет, партийная сила зубаста.

– Эдакого нагородишь...

– Силы – вагон, еще повожем.

– Крышка, соколы, о прежнем времячке думать забудь.

Нонче куда ни повернись, в ячейку угодишь али в кружок...

И мне, старому дураку, кольцо в губу да в тарарам студию.

Чуть отыгрался. Ты, говорят, товарищ боцман, будешь вроде купца. Тьфу,

мне ли в такие дела на старости лет...

- Ха-ха-ха, зашел Федочч!

- Дела-делишки...

- Бывалочно-то времячко любому сопляку припаял бы я неочередной наряд в галюн с рассеиваньем, а теперь - шалишь.

Как, да што, да на каком основании... Вызовет вахтенный какого-нибудь салагу, тот и начнет бубнить: "почему меня, а не другого? Это не так, да это не эдак..." Башку оторвать мало за такие разговорчики!

- Растурись, старик, огоньку бутылочку-другую, сосет...

Денежки у нас е, денежек подмолотили.

- Погазуем!

- Во вкус вошли?... К фельнеру раззя сунуться?

- Крой.

- Пистоны есть, на, держи!

Мишка выбросил на стол пучагу засаленных кредиток.

Горели, чадили сердца: бутылкой не зальешь, в море не утопишь... Куды тут... Широки сердца моряцкие, как баржи.

Убежал старик.

- Хха.

- Ххы.

- Во, как наши-то вырываются...

- Эдак.

Федотыч

с бутылками.

В стаканы разливал по-русски, всклень, через края расплескивал.

Рассказывал боцман такое:

- Осталось у нас после белых лодка с дыркой да челнок без дна... И наш корабушка по уши в воде торчал. Котлы были порваны, арматура снята, ржавчины на вершок, травой все проросло. Стук - приказ: "Товарищи, восстановить!" - "Есть!"

Какой разговор?... Есть и отдирай. Взялись. Давай-давай! С чего взяться? Струменту нет, матерьялу нет, денег нет, хлеба мамальжного цо полфунту в день... В трюмах вода, в рулевом вода, в кочегарке вода, клапаны порваны, отсеки разведены, ну, разруха на тыщу процентов... Качать воду надо. А как ее будешь качать, ежли турбины застонали? Удалые долго не думают, давай вручную мотать... паром. Гнали-гнали, гнали-гнали! глаза на лоб лезут. Стой, конвой! Приходим ватагой до начальника комиссара. "Вам паек?" - спрашивает он. "Паек..." - "Нет пайка, товарищи. Разруха, голод, красный ремонт, надо быть сознательными и так далее. Вот, говорит, вам махры по две осьмушки на рыло, а больше ничего сделать не могу. Скоро пришлют, говорит, из центра камсалистов на подмогу, а больше ничего сделать не могу". Закурили мы той самой махры, утерлись да и пошли.

Мишка с Ванькой слушали тяжело, тяжело рыгали, уперев глаза в пол.

Федотыч бегал по каюте, вязал слова в узлы:

- Разве ж когда вырывалось из моряцких рук хоть одно дело? Никогда сроду. По щепке склеили, по винту снесли, а строхали кораблюшку. Завод же опять помог, шибко помог.

Камса поддержала. Ребятишки, а старатели, цепки до дела, прокляты...

- Ты, что же, за лычком тянешься? - спросил Ванька.

- Лычко мне ни к чему, издыхать пора... И совсем тут не в лычке звук.

Подмокли,

рассолодели,

в руготне полоскались яро.

– Утятя?

– Крупа, говоришь?

– Прямо сказать, пистоны. Никакого к тебе уваженья. Хозяевами себя чувствуют, хозяевами всего корабля, а может, и всей Расеи. Мы, гыт, принципиально и категорически. Не подойди... Заглянул счас на полубак, там их полно. Кричат, ровно на пожаре. День в работе на ногах, ночью, глядишь, где бы отдохнуть, а они, сукины сыны, собранье за собраньем шпарют, ровно перебесились...

Старик помолчал, поморщился и добавил:

– Политика... И сколько она этого глупого народу перепортила, беды! Пей, ребятишки...

Мишка воткнул в старика тяжелый взгляд:

– Ах, Федочч, рьжа голова...

И Ванька посмотрел на старика быковато:

– Из старой команды остался кто?

– Есть, есть... Ефимка подлец, сигнальщик Лаврушка, шкипер Лексей Фонасич, коком йсе Алешка Костылев, да теперь, слышно, на берег его списывают за хорошие дела.

– Чем они дышат?

– Ефимка в ячейку подался, а эти вола валяют, дела не делают и от дела не бегают.

Боцман, по старой привычке, поймал горсть мух, выжал в стакан, долил горючим и уркнул одним духом.

На стрежне
заиграли сердца
блестко.

– Не пофартит, так всей коллегией гайда в Уманьщину гулять!

– Натуральная воля и простор широких горизонтов.

Старик в скул:

– Нет, годки, я свое отгулял. Убежало мое времячко, на конях не заворотишь... Судьба, верно, мне сдохнуть тут.

– Завей слезу веревочкой... Ноги запляшут...

Мишка, захлебываясь пьяной икотой, оживлял в памяти переплывтые радости:

– Жизнь дороже дорогова... Пьянку мы пили, как лошади.

Денег – бугры! Залетишь в хутор – разливное море: стрельба, крик, буй, кровь, драка... Хаты в огне! Хутор в огне! Сердце в огне! Цапай хохлушку любую на выбор и всю ночь ею восхищайся!

– И сахар, и калач?

– Уу, не накажи бог.

– Церковь увидишь, и счас снарядом по башке щелк.

– Да, церкви мы били, как бутылки.

– Впереди жизни бежали, так бежали – чоботы с ног сваливались.

Ой, яблочко
Да с листочками,
Идет Махно
Да с сыночками...

Дробно чечетку рванул Ванька.

Замахал старик рукавами, зашипел:

– Тишша... На грех старпом услышит, загрызет.

– Качали мы его. Какой-нибудь интеллигент из деревенской жизни.

Федотыч заспорил:

– Ну, нет. Он хотя и не горловой, а в службе строгость обожает.

Дисциплинка у них на ять. Камсалисты, понятно, крупа крупной и в работах

еще не совсем сручны, но и счас уж койкому из стариков пить дадут. Хванц... Ругаться им по декрету не полагается, это зря. Без ругани какой моряк? Слякоть одна, телята...

- А мы в замазке остаемся?

- Зашло паше за ваше...

Сидели Мишка с Ванькой на столе, и все в них и на них играло, плясало. Плясали, метались глаза. Дергались вертляво головы. Прыгали плечи. Скакали пальцы в бешеном галопе.

Трепыхались руки, как вывихнутые. Убегали и скользили копыта. В судороге смеялись, радовались, едко сердились горячие губы, торопливо ползали юркие уши. Зудкая ловкость, узловатая хваткость, разбитые в нет ботинки, вихрастые лохмы, язык в жарком вьюхре...

Все в них и на них орало:

Скорей,
скорей,
даешь!

Старик свое дугой выгибал:

- Как-то с весны ходили мы в море котлы пробовать. Ночь накрыла, буря ударила. Закачало, затрепало нас. Авралила молодежь. Ребятчи руки, а было чему подивиться. Клещи! Бегали по команде, ровно гайки по нарезу...

Годик-другой, и морячки из них выйдут за первый сорт.

Беспокойно зашебутились дружки:

- Заткнись, за лычком тянешься.

- Крутись не крутись, в комиссары не выпрыгнешь.

Закостерился боцмаш

- Растуды вашу, сюды вашу, чего хорохоритесь?

- А мы тебе жлобье, што ль?

- Нашел чудаков!

Ванька плеснул старику на лысину опивками кофейной гущи.

Мишка заржал и
в сон, как в теплое тухлое озеро.

5

Из койки боцман вывалился рано и отправился в обычный утренний обход. Легким шагом топтал кубрик, жилую палубу.

На все кидал зоркий хозяйский глаз. Проверил вахту, зевнул в утро, мелким крестом захомотал волосатый рот и пошел к портному Ефимке за утюгом.

Умывался Федотыч с душистым мылом, старательно утюжил суконные шкеры: к капитану, а по-советски сказать, к командиру собирался.

Ванька валялся на полу,
поднял Ванька хриплую голову.

- Брось, Федочч, до дыр протрешь... Кха-кха!.. Достал бы ты лучше похмельки.

И Мишка из-под стола голос подал:

- Растурился бы капуста кислой аль рассолу... Истинный господь, кирпич в горло не лезет...

В двенадцать, с ударом последней склянки, втроем в капитанскую каюту: боцман - деревянный и строгий, Мишка с Ванькой - виноватые, опухшие, мятые, ровно какое чудище жевало-жевало да и выплонуло их.

Капитан с кистью.

Перед капитаном лоскут размалеванного полотна: море, скалы, облака... Наклонит капитан голову набок, поглядит, мазнет слегка. На другой бок голову перевалит, глаз прищурит, еще мазнет... Шея у него, как труба дымогарная, ноги – тумбы, лапы – лопасти якорные, пальцы – узлы, спина – кряж; хороший капитан, старинной выварки.

На боцмана по привычке утробно рыкнул:

– Ну?

Федотыч шагнул.

– Мы, Виктор Дмитрич...

– Подожди. Видишь, я занят.

Мишка с Ванькой глазом подкинули капитана и ни полслова не сказали, а подумали одно: ежели топить, большой камень нужно... Вспомнился восемнадцатый годочек, когда в Севастополе офицеров топили...

В каюте по стенам вожди, модель корабля, гитара на шелковой черной ленте. К стене прилип затылком трюмный механик Черемисов: жидкие ножки подпрыгивали, сосал сигару, пожалованную самим, рыбий глаз на картину косил.

– Недурственно, знаете... Ей-богу, недурственно... Перелив тонов и гармонии красок, знаете, эдак удачно схвачены.

Капитан упятился на середину каюты, откинул могучий корпус и прищурился.

– Дорогой мой, а не кажется ли вам, что эти камни кричат?

Бесстрашный боцман попятился, а Черемисов закашлялся.

– Камни?... Да, как будто, действительно, того...

– Чаек нет, – сказал Ванька, – а без чайки и море не в море... На озере и то утки, например...

Капитан грозно нахмурился, просветлел, раскатисто расхо-хо-хотался и хлопнул Ваньку по тощему брюху.

– Верно! Люблю здоровую критику! Очень верное замечание... Ты кто такой? Федотыч:

– Мы, Виктор Дмитрич...

Утакали,

удакали,

съэтажили дела по-хорошему.

Из каюты капитановой вывалились в богатых чинах:

Ванька – баталер, Мишка – кок.

По палубе комиссар.

Дружки колесом на него.

– Даешь робу, товарищ комиссар!

– Рваны-драны, товарищ комиссар!

Ванька вывернул ногу в разбитом ботинке. Мишка под носом комиссара перетряхнул изодранную в клочья фуфайку.

– Полюбуйтесь, товарищ комиссар...

– А которы в тылу, сучий их рот...

Комиссар бочком-бочком да мимо.

– Доложите рапортом личному секретарю, он мне доложит.

– Какие такие рапорты, перевод бумаги...

– Дело чистое, товарищ комиссар, дыра на робе всю робу угробит, не залатаешь дыру, в дыру выпадешь...

Братухи дорогу загородили, комиссару ни взад ни вперед Поморщился комиссар, шаря по карманам пенсне Ни крику, ни моря он не любил, был прислан во флот по разверстке Тонконогий комиссар, и шея гусиная, а грива густая – драки на две хватит.

– Извините, товарищи, аттестаты у вас имеются?

– Вот аттестаты, – засучил Мишка штанину, показывая зарубцевавшуюся

рану, – белогвардейская работа...

А Ванька выхватил из глубоких карманов пучагу разноцветных мандатов, удостоверений, справок... Изъясняться на штатском языке, по понятию дружков, было верхом глупости, и, стараясь попасть в тон вежливого комиссара, Ванька заговорил языком какого-нибудь совслужа:

– Пожалуйста, читайте, товарищ комиссар, будьте конкретны... Ради бога, в конце концов, сделайте такое любезное одолжение... Извините, будьте добры.

Робу выцарапали.

* * *

Клеши с четверга в работу взяли. Уж их и отпаривали, и вытягивали, и утюжили, и подклеивали, и прессовали – чегочего с ними не делали... Но к воскресенью клеши были безусловно готовы. Разоделись дружки на ять. Причесочки приспустили а-ля-шаля. Усики заманчивые подкрутили.

Заложили по маленькой.

– Давай развлеченья искать.

– Давай.

Гуляли по бульварчику по кудрявому, к девкам яро заедались:

– Эй, Машка, пятки-то сзади...

– Тетенька, ты не с баржи, а то на-ка вот, меня за якорь подержи.

Конфузились девки.

– Тьфу, кобели!

– Черти сопаты!

– Псы, пра, псы...

Ванька волчком под пеструю бабу – сзади вздернул юбку, плюнул.

Баба в крик:

– Имеешь ли право?

И так матюкнулась, Ваньку аж покачнуло.

Мишка с Ванькой на скамейке от смеху ломились:

– Ха-ха-ха...

– Га-га-га-га-га-га-га-га-га-а...

Весело на бульварчике, тоже на кудрявом.

В ветре электрические лампы раскачивались... На эстраде песенки пели... Музыка пылила...

Девочки стадами... Пенился бульварчик кружевом да смехом.

Вечер насунул.

Шлялись дружки туда и сюда, папироски жгли, на знакомую луну поглядывали...

– Агашенька...

– Цыпочка...

Не слышит Агашка-Гола-Голяшка, мимо топает...

Шляпка на ней фасонная, юбочка клеш, пояском лаковым перетянута. Бежит, каблучками стучит, тузом вертит... Ох ты, стерва...

Догнали Агашку,
под ручки взяли,
в личико пухлое заглянули.

– Зазнаваться стала?

– Или денег много накопила, рыло в сторону воротишь?

– Ничего подобного, одна ваша фантазия...

Купили ей цветов: красных и синих, всяких. Цена им сто тыщ. Ванька швырнул в рыло торговцу десять лимонов и сдачи не требовал: пользуйся,

собака, грызи орехи каленые.

Агашка гладила букет, ровно котенка.

– И зачем эти глупости, Иван Степаныч? Лучше б печенье в купили.

– Дура, нюхай, цвет лица лучше будет.

И Мишка поддюкнул:

– Цветы с дерева любви.

Агашка сияла красотой, но печальная была. Пудренный носик в цветки и плечом дернула:

– И чего музыка играть перестала?

Гуляли-гуляли, надоело... Как волки овцу, тащили Агашку под кусты, уговаривали:

– Брось ломаться, не расколешься, не из глины сляпана .

– И опять же мы тебя любим...

– Ах, Миша, зачем вы говорите небрежные слова?

– Пра, любим. А ты-то нас любишь ли?

– Любить люблю, а боюсь: двое вас.

Тащили.

– Двое не десятеро... Ты, Агашка, волокиту не разводи...

– Люблю-люблю, а никакого толку нет от твоей любви ..

И Мишка подсказал:

– Это не любовь, а одна мотивировка...

* * *

На корабль возвращались поздно.

Пьяная ночь вязко плелась нога за ногу. Окающую луну тащила на загорбке в мешке облачном.

Дружков шатало, мотало, подмывало.

Ноги, как вывихнутые, вхлить-вихлеть, раз на тротуар, да раз мимо Травили собак. Рвали звонки у дверей. Повалили дощатый забор. Попробовали трамвай с рельс ссунуть: сила не взяла.

Ёвалились в аптеку.

– Будьте любезны, ради бога, мази от вшей.

Таращила аптека заспанные глаза.

– Вам на сколько?

– Мишка, на сколько нам?

– Штук на двести...

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-а-а!...

С ревом выкатились на улицу.

Мишка-Ванька, Ванька-Мишка разговорец плели. Ванька в Мишку, Мишка в Ваньку отгрызками слов:

– Женюсь на Агашке... Только больно тощая, стерва, мослы одни.

~ Валяй, нам не до горячего, только бы ноги корячила.

– Она торговать, я деньги считать.

– В случай чего и стукнуть ее можно, разы-раз и голову под крыло.

– Куды куски, куды милостинки...

– Службу побоку, шляпу на ухо, тросточку в зубы и джаджа-дживала... На башку духов пузырек, под горло собачью радость, лихача за бороду..

– Гуляй, мальй...

Собачья радость – галстук. Агашка, у Агашки лавка галантерейная в порту.

В железном цвету, в сером грывыхе кораблюшко. В сытом лоске бока.
Шеренгами железные груди кают.

Углем дышали жадные рты люков.– И так, и так заклепками устегано
наглухо.

Со света дочерна по палубе беготня, крикотня. С ночи до ночи гулковался
корабляха. В широком ветре железные жилы вантов, гиковых – гуууу–юуууу...

Рангоут под железо.

Взахлеб–бормотливой болтовне турбин буль–уль–уль–пулькульх: жидкого
железа прибой. Дубовым отваром, смолкой хваченная оснастка задором
вихревым стремительно вверх, в стороны водопадом, по крыльям мачт хлесть,
хлесть.

Теплое вымя утра.

Кубрик в жарком храпе. Молочный сонный рот хлябло:

пц'я пц'я... В стыке губ парная слюна, по разгасившейся щеке слюна:
сладок и мертвецки пьян молодой сон. В каждой груди румяное сердце
ворковало голубем.

А железное кораблево сердце металось в железном бое.

Сигналист выделявал:

Зу–зу–зу–зу–зу–зу–зу–ууу...

Зу–зу–зу–зу–зу–зу–ууу...

Побудка.

По кубрику бежал Федотыч, за ним вахтенный начальник, старшины. Бежали
со свистками, с дудками, с криком, ревом, с крепкой моряцкой молитовкой,
ровно с крестным ходом:

– Вставать, койки вязать!

– Э–ей, молодчики, поднима–а–айсь!

– Вставать, койки вязать!

Слаще молодого поцелуя утренний сон, не оторвешься.

Из–под казенных шинельных одеял лил, бил крепкий дух теплых молодых
тел. Недовольные глаза сердито в начальство.

– Счас, сча...

– Разинули хлебалы...

– Рано, чего бузывать безо время...

В позевотину, в одеяло, в храп.

Это те самые разговорчики, которых так не любил старый боцман.

И вторым ходом шел Федотыч с шумом, руганью и свирепыми причитаньями.
Шутка ли сказать, двенадцать годков боцманил старик, к лаю приохотился,
ровно поп к акафистам. От самого последнего салажонка до боцмана на
практике всю службу до тонкости произошел. Каждому моряку с одного погляду
цену знал. Крик из него волной, а до чего прост да мягок был старик и
сказать нельзя. Вторым ходом шел, стегал руганью больше плети:

– Вставать!

Время в обрез.

Вскакивали молодые моряки, почесывались... Койки шнуровали, бросали
койки в бортовые гнезда.

Пятки градом.

В умывальне фырк, харк.

Краснобаи рассказывали никогда не виденные сны.

– Кипяток готов?

– Есть!

Котелки, бачки, кружки, сухари ржаные, сахару горсть па целую артель.
Только губу в кружку – сигнал на справку. Чавкать некогда, все бросай,
пулей лети наверх. Прав Федотыч:

раньше вставать надо.

Пятки дробью.

Через полминуты на верхней палубе в нитку выстраивались шеренги.
Переключка гремела устоявшимися за ночь молодыми голосами.

Капитан с полуюта отзывал Федотыча от строя и морщился: ругань слышал капитан.

– Воздерживайся, старик, приказ, строго...

– Есть! – кратко отвечал боцман в счет дисциплины, а самого мутило. Он долго пыхтел, сопел загогулистой трубкой в смысле несогласия.

– Ну? – опрокидывался на него капитан.

Горячую трубку в карман, руки по форме, в просмолку словам договаривал:

– Декрет декретом, Виктор Дмитрич, а при нашем положении без крепкого слова никак невозможно... И то сказать, слово не линек, им не зашибешь. Так только, глотку пощекотать...

Капитан в свое время тоже ругаться не любил.

Сумрачный отвертывался, ломались брови, ломались в злой усмешке сжатые губы. Говорил с откусом капитан, форменная качка в душе, не иначе. Федотыч знал своего хозяина до тонкости, до последнего градуса... Вздрайки ждал...

– Службу забыл, а еще старый боцман!.. Вышибалой тебе быть, а не боцманом военного корабля! Команду распустил! Безобразие! За своих людей ты мне ответишь!

– Есть! – Федотыч мелким мигом смаргивал.

Капитан-то, Виктор Дмитрич, тяжеленько вздохнул, ровно море переплыл, да и давай-давай чесать:

– В строю стоять не умеют. Подтянуть! Первую шеренгу левого борта на два дня оставить без берега! На полубаке вечером песню пели "Нелюдимо наше море" – запретить! Самовольная отлучка с корабля рулевых Маркова и Репина. Неделью без берега и по пяти нарядов! Почему проглядел вахтенный начальник? Расследовать и привлечь! Подробности доложить через полчаса лично... Вчера, после вечерней окатки палубы, плохо протерты колпаки вентиляторов, блеска должного нет. Недо-пусти-мо!.. Виновного наказать по своему усмотрению!

– Есть! – повернулся боцман да ходу: приказ дополнять.

Сам вернул его:

– Постой... Погоди.

Тяжелый, как падающая волна, капитан хлопнул боцмана по плечу, жадно взгляделся в его грубое, простой дубки лицо.

– Относительно ругани ты, боцман, безусловно, прав.

У меня у самого язык саднит, а все ж воздерживайся... Да-а.

Капитан вздохнул,
вздохнул Федотыч.

– Ничего не попишешь, Виктор Дмитрич, ба-а-алынувший шторм идет, надо держаться.

– Да, дуют новые ветра. Ничего не попишешь, старик, надо держаться.

Широкой волной, буй-порывами хлестали, ветрили новые веселые ветра.

* * *

Через весь корабль гремела, катилась команда:

– Третьи и седьмые номера, стройся на левых шканцах!

– Шевелись!

– Треть, седьмые номера, на лев шканцы!..

– Подбирай пятки!..

– Треть, седьмые номера...

Бежали боцманы и старшины, начиналась разводка по работам.

Солнце на ногах,

команда на ногах,
команда верхом на корабле.
Впередогоньшки: швабры, метелки, голики.
Плескался песок, опилки.
Веселое море опрокидывалось на палубу, заливало кубрик.
Глотки котлов отхаркивались корками накипи.
Топки фыркали перегаром, зернистой угольной золой.
Всхлипывали турбины.
Ходили лебедки, опрокидывая кадки шлаку в бортовые горловины.
Крик дождем,
руг градом,
работа ливнем.

Солнце горячими крыльями билось в мокрую палубу, щекотало грязные пятки, смехом кувырчалось солнце в надраенной до жару медной арматуре и поручнях.

Руки ребячьи, а хваткие, артельные. Глаза – паруса, налитые ветрами.
Глотка у Федотыча о-го-го:

– Давай-давай, живо, ребяташки!.. Бегай!.. Брыкин, бего-о-ом!

Глядеть тошно, когда в самую горячку какой-нибудь раззява шагом идет и брюхо распустит, ровно на прогулке. Башку оторвать сукиному сыну, службы не любит.

– Бега-а-ай!..

Такое у Федотыча занятие, никому из команды ни минуты покоя не дать, всем дело найти. Гонять и гонять с утра до ночи, чтоб из людского киселя настоящих моряков сделать, на то он и старший боцман.

В проворных руках сигнальщиков плескались разноцветные флажки. В утробе кораблиной молодые моряки под присмотром инструкторов моторы перебирали, знакомились с деталями машин.

По капитанскому мостику бегал старший помощник: маленький, визгливый, цепкий. Брось в тысячную толпу, сразу узнаешь – военный. Выправка, посадка головы, корпус – орел.

Привычка кричать с детства осталась, да и положение обязывало: какой же это к черту помощник, если кричать не умеет?

Старпом сердит: вчера спуск флага вместо обычных шести отнял тридцать секунд. Позор, черт знает что, скоты! Старпом угнетен, старпом удручен, он любит точность и свой корабль, Плохо спал, до завтрака не дотронулся – в чувствах расстройка.

Перегнувшись с мостика, он кричал на полубак, в визге злость жег.

– Не плевать!.. На борту не виснуть!.. Ходи веселей!.. Назаренко, два наряда!..

На полубаке, на разостланном брезенте, чтоб палубу не вывозить, разметались сменившиеся с вахты кочегары. Солнце лизало их шкуры, пропыленные угольной пылью, ветер продувал легкие. Кочегары с мрачным весельем поглядывали на мостик и переговаривались вполголоса:

– Лай, лай, зарабатывай хлеб советский.

– Злой что-то нынче...

– Он добрым никогда и не был.

– Держись, палубные, загоняет.

– И чего, сука, орать любит?

– Дворянин, да к тому еще и юнкер, аль не видал анкету-то?

– Аа-а...

– Оно и похоже...

Шлюпки на рейде в голубом плеске: гребное ученье. В такт команде размеренно падали весла, откидывались гребцы,

– Весла!

– По разделеньям, не спешите!

- На во-ду! Раз, два!..
- Раз, два!..
- Навались!..
- Оба табань!..
- Суши весла!..
- Шабаш!..
- Запевай!..

Загребные заводят:

Во, тече течет река-а-а-а,
С речки до-о-о-о-о по-то-ка
За де-евочкой матрос
Гонится-а а-а да-ле-ко.

Гремела сотня глоток:

Год проше е-ол, и дочь иде-е-о-о-т
К матери у-ны-ло,
На рука-а-ах у ней леж-ит
Матросе-о-о-о-нок ми-льй.ц

Море качелилось,
песня качелилась,
качелились блестящие крики чаек.

* * *

Зу-зу-зу-зу!... Зу-зу-зу-у!..
Сигнал на купанье.
Команда по борту.
Федотыч бодрит левофланговых:
- Гляди, не робей... Воды не бояться, не огонь.. Казенное брюхо
береги... Снорови головой, руками вперед!
- Есть!
Боцман руку на отлет:
- См-и-ирна!
Шеренга замерла.
- Делай, раз!
Рубахи на палубу.
- Два!
На палубе штаны.
- Три!
Лятки за борт.
В пене, в брызгах сбитые загаром тела Горячие брызги глаз. Пенной,
брызгами крики.
На борту Федотыч махал руками, кричал, его никто не
слушал.
- Го-го-то-го-го-го-го-го-го-о-о-о-о-о!..

* * *

В обеденном супе редкая дробь крупы и ребра селедочки.

На второе – по ложке пшена. Выручали ржаные сухари.

– коротко выговаривал оглушенный казарменной жизнью комсомолец Иванюк.

– Ладит, да не дудит, – отзывался какой-нибудь посмелее.

Никогда не наедающийся Закроев мрачно гудел ругательства.

– Закроев, ты же в комиссии по борьбе с руганью г

– А ну их...

Поюворят так-то, да и ладно.

В послеобеденный час отдыха или по вечерам набивались в красный уголок, потрошили газеты, библиотекаря и буржуазию всего мира.

На полуоте – кольца, гантели, русско-французская. Заливались балалайки. Ревел хоровой кружок.

Динь-ом... Динь-ом...

Зацветали корабли огнями. Спать полагалось семь часов и ни минуты больше. Ночью в кубриках и по палубе молодые моряки метались во сне, сонно бормотали:

– Эжектора... Трубопроводы... Клапаны... Магнитное поле...

Контргайка... Товарищи градусы...

7

Ходовые, деловые Мишка с Ванькой, не шпана какая-нибудь. Широкой программы ребятки. Оторвыши разинские, верно. И отчаянность обожают, тоже верно.

Матрос... Слово одно чего стоит! Надо фасон держать. Да и то сказать, бывало, отчаянность не ставилась в укор. Все прикрывал наган и слово простое, как буханка хлеба. Это в наше растаковское времячко телячья кротость в почете. В почете аршин, рубль да язык с локоть. Никогда, никогда не понять этого Мишке с Ванькой, не на тех дрожжах заквашены.

Бывало... Эх, говорено-говорено да и брошено!

Бывало, и в Мишке с Ванькой ревели ураганы. И через них хлестали взмьсленные дни: не жизнь – клюковка.

Леса роняли.

Реки огненные перемахывали.

Горы гайбали.

Облака топтали.

Грома ломали.

Вот они какие, не подумать плохого.

Не теперь, давно, в Мишкиной груди, в Ванькиной груди, как цепная собака по двору, метался ба-альпуший бог: клыкастый бог, матросский. С ним и авралить любо. Никакие страхи не страшны. Даешь и – гвоздь!

Гайдамака в штыки.

Буржуй... Душа из тебя вон.

Петлюру в петлю.

На Оренбург бурей.

По Заказанью грозой.

Волгой волком.

Урал на ура.

Ураган на рога.

Дворцы на ветер.

Шумели, плескались реки огненные... Шумела сила тягловая .. Дымилась сердца косматые... Цвела земля волнами гудливыми.

Забрало язычок.

В те разы, да ежели бы на все вожжи пустить... Наскрозь бы весь белый

свет прошли. Табунами пожаров моря сожгли бы, горы посрывают...

А тут, на беду да на горе, – стоп, забуксовала машина.

Хвать-похвать: дыра в горсти.

Измочалился бог – ни кожи ни рожи. Так, званье одно, бог да бог, а поглядеть не на что. Слов нет, в огневых-то переплетах и ребята в мызг уездили. От жары волосы на башке трещали, глаза лопались, на шкуре места живого не осталось, все в синяках да ссадинах.

В уголь ужглись, укачало, утрепало...

Ну, а все-таки не валились. Руки делали, ноги бегали, одним сплетом глотки гремели:

– Дае-е-е-о-о-шь! В бога, боженят, святых угодников!..

Не вытерпел бог удали матросской, окошел: вонь, чад, смрад,

в нос верт. Ни хомута, ни лошади. Кнут в руках, погонять некого.

Тоска,
смертный час,
тошнехонько.

Нынче теплушка, завтра теплушка. На одной станции недельку поторчат, на другую перебросятся, там недельку покукуют. Винтовки заржавели, пулеметы зеленю подернуло.

Девочек развели.

Девочки подбирались на ять. И не подумать, чтобы насильно или там за глотку. Ни-ни. Избави и не приведи. Моряк на такую программу не пойдет. Ну, а как это срисует девочку грубую, сейчас к ней подвалится, сармачком тряхнет, начнет американские слова сыпать: абсолютно, вероятно и так далее...

А той известно чего надо, поломается немного да и:

– Ах, мое сердце любовью ошпарено!

Тут и бери ее на прихват.

В теплушках печки чугунные, нары, мешки вещевые, узлы с барахлом, белье на растянутых бечевках. Днем на базарных столиках счастье вертели, пожирали жареную колбасу, скандалы запаливали, били жен и бутылки. Через всю ночь на легких катерах катались. Станции да полустанки, коменданты давши...

Откуда-то подъявились штатские агитаторы и давай рукавами махать.

– Товарищи, трудфронт... Меняй винтовку на лопату и молот... Бей разруху...

Братки в скуку.

– Хха.

– Ххы.

– С чего такое?

– Што мы вам, фравера?

– Сучий потрох.

– Топор курве в темячко.

Голоса вразнойбой.

В глазах у всех темно, ровно в угольных ямах.

Братки кто куда. Мишка с Ванькой в лёт...

.....

Юрки ключи вешние, теклые сливачи. Сильна, жгуча вешняя вода, заревет – не удержишь. Вволю тешься, сердце партизанское. Кровью плещись по морям, по пыльным дорогам. Полощись в крутых азиатских ветрах. Полным ртом жри радость.

Хлебай гремящие кипящие просторы. Хлебай медовые зерна деньков вольной волюшки.

.....

Широки степя.

Неуемны озорные ветра.
Кровь сладка.
Пляско вино.
Буй огонь, кипуч огонь.
Хлюпки росы.
Говорлючи журчы.
Девочки – алы цвет, голубушки мягки, хоть в узел вяжи.
Я на бочке сижу, Ножки свесила, Моряк в гости придет, Будет весело...
– Сади!
– Гвозди.
– Рвись в лоскутья, колись в куски!
– Шире круг!
– Давай, дава-а-ай!
Раскаленную докрасна печку пинком за дверь.
– Сыпь, все пропьем, гармонь оставим и б...ей плясать заставим...

Ноги пляшут,
теплушки пляшут,
степя пляшут...

В болотах тихой зелени стоячие полустанки, затканые садочками. В окошках цветочки, занавески марлевые – чтоб комары не кусали! – тухлые сытые рожи в окошках.

– Почему такое?
– В кровь, в гроб с перевертом.
– Бей!

Бух,
бух,
знь... Зянь...
бух, бух!

Машина: – Ду-ДУУУ-Д-У!
Поехали, запыхали.
Машинисту браунинг в пузо:
– Гони без останову.
– Куда?
– Куда глаза глядят... Гони и гони, только в тупик не залети.
– Слушаюсь.
– Полный ход.
– Котлы полопаются.
– Крой, чего насколько хватит!
– Подшипники перегреются.
– Полный ход, душа вон и лапти кверху.
– Есть.
– Рви.
Та-та-та... Та-та-та... Та-та-та...
Та-та-та... Та-та-та... Та-та-та... Та.. та.. та...
Ш-пш... Ш-пш... Шш-ш-ш...
Та-та-та... Да-да-да... Да-да-да ..

Паровоз в храпе,
паровоз в мьле,
пыль пылом...

Густо плескались, пылали тяжелые ветра... Пылали, плескались зноем травы... Поезда бежали, зарывались в горы с разбегу пробивали туннели.

Табунами бродили пожары... Бежали сизые полынные степя... Дороги шумели половодьем.

Вытаптывая города и села, бежали красные, белые, серые и че-о-орная банда. Кованые горы бежали, дыбились, клещились. Бежали, как звери, густошерстные тучи, хвостами мутили игравшие реки.

Партизаны бежали,
падали,
бежали,
плевались
тресками, громами, бухами, хохом, ругом... Залпами расстреливали,
бросками бросали наливные зерна разбойных дней.

Всяко бывало – и гожее и негожее – всего по коробу.

Жизня, сказать, ни дна, ни берегов...

Сдыхал бог и каждому по два клейма выжег:

Отчаянность и Не зевай.

Все бывалашное-то уплыло, стинуло, будто и не было ничею. Мишка с Ванькой, приплясывая, своим шляхом бежали, одним крестом крестились, одной молитовкой молились – Не зевай – а больше и не было ничего, не было и не было...

В корабле как?

Шаля-валя, нога за ногу. Жили-поживали потихо-легонечку.

Котел да баталерка – костер. Опять и заповедь подходящая, знай гребни деньгу лопатой. Отсобачил кусок и в кусты. Да ведь и то сказать, до кого ни доведись, как можно муку таскать, да в муке не испачкаться? Чего тут косоротиться, говорить надо прямо.

Дело идет, контора пишет, Ванька-Мишка денежки гребут.

Деньги родник, одевка грубая, а поди ж ты, не кажется дружкам жизнь кораблиная. Корявая жизнь: ячейки разные одолели, школы, культкомиссия, закружили кружки.

Что ни день, что ни час, как из прорвы, – собранья, заседанья, лекции, доклады и все об одном и том же:

– Мы товарищи, да вы товарищи...

Больше и не поймешь ничего, ни в какую.

Мишка с Ванькой до комиссара.

– Так и так, товарищ комиссар... Как мы есть сознательный элемент, товарищ комиссар, просим от политики освободить...

Комиссар и рыло в сторону.

– ...Сучья отравы, ни погулять тебе, ни што.

И с крупной, из-за всяких таких делов, походя схватки. Первый шухор из-за пустяка слился. Член какой-то комиссии в умывальне зубы чистил. Мишка щелчком сшиб в раковину зубной порошок:

– Дамское занятие... – и пошел. А разобиженный паренек и зыкни вдогонку:

– Не больно швыряйся, ухверт!

– Што будет, – обернулся Мишка через плечо, – ты, пацан, не побей кой-грех...

– А что, думаешь, на твою харю и кулака не найдется?

Мишке обидно показалось, обернулся и парню в скулу.

– Гнида, счас от тебя одну копию оставлю.

Хлопчик с копыт долой, со смеху покатился. Потом вскочил.

Сладить не сладит, а кинулся на Мишку. Тот еще раз сунул его. Сцепились – не разнять. Да подвернулся тут джужий кочегар, Коська Рябой. Стреб он члена какой-то комиссии в охапку, да за борт, только этим и разняли.

В тот же день собрали собрание общее Мишку судить-рядить.

– Почему такое суд? Разговор один и больше ничего. – Черные Мишкины брови полезли на лоб от удивления: – Какое дело?... Ну, ударил... Ну, подрались... Тычка бояться – жить на свете не надо!

И Ванька голос подал:

- Какое же это избиение, и хлестнул-то только раз, всего ничего...
- Два чищенных зуба вышиб.

Мишка виновато качнул лохматой башкой.

- Рука у меня чижолоя.

Фитильнули Мишке строгий выговор, а ему хоть бы хны.

Об обедах и говорить нечего.

Кому из своих зачерпнет Мишка из котла невпроворот, хоть ложку в бачок втыкай, а молодым голой воды плеснет.

Сядут ребята над бачком, фыркают-фыркают, берега не видать... Мишку похваляют:

- От, стервец, накрыть его втемную или бачок с горячими щами на башку надеть...

Чумная крупа... От голодной тоски в строю падали и глаза под лоб.

А Мишка верхом на котле, посмеивался Мишка:

- Собранья у вас с утра до ночи и разговоров много, а жрать не хрена. Воды, верно, вдоволь. В море воды хватит.

Кают-компании опять развелись, начальников полный комплект. Слыхано ли, чтоб моряк голодал? В бога мать... Заходи в любой дом, вытряхивай буржуя из штанов, рви глотки начальникам и комиссарам... Эх, ячеишны вы моряки, пропадете, как гниды...

8

Гром упал,
подходящее житьишко вдреозги.
Мишку с Ванькой за чубы.

- Завалились?
- Какие данные?
- Так и так.
- Ага.
- Угу.

Вылезла комиссия по очистке от элементов. И сразу, не говоря худого слова, Мишку за ухо.

- Ваша специальность?
- Комиссар Драгомилковского района Великой Октябрьской революции.
- То есть?
- Не то есть, а истинный борец за народные права, борец безо всякого недоразумения, на что и могу представить свидетелей.
- Ваше занятие на корабле?
- Какое у нас может быть занятие? В настоящий момент я кок, а в семнадцатом - революцию завинчивал, офицеров топил, а также был членом в судовом комитете.
- Тэк-с...

Переглянулась стерва-комиссия.

- Бурилин, придется вас списать с корабля... Уставший элемент - раз, специальность малая - два.
- Понимаем, отслужили, понимаем, - и огорченный Мишка отошел от стола.

И Ваньку взяли за жабры:

- Ваша специальность?

Глазом не моргнул Ванька:

- Электрик и трюмный машинист.
- Что знаете о водоотливной системе?

- Ничего не знаю.
- Каково назначение кингстонов?
- Твердо не помню.

Перемигнулась стерва-комиссия и ну опять, ровно неразведенной пилой:

- Представьте, в главной магистральной цепи сторела ответвительная коробка, как исправить?

- И к чему вся эта буза, товарищи? - закричал Ванька. - Не могу спокойно переносить, товарищи... Мое существо тяготится переполнотою технических и политических оборотов...

Ах, в бога-господа мать!..

Схватила Ваньку кондрашка, покатился парень...

Бился Ванька об пол головой, пена изо рта... Придерживали его Федотыч да Мишка:

- Псих.
- В натуре.
- И зачем человека терзать, здоровье его в болезненном виде...

9

На другое утро, раздетые и разутые, с тощими мешками на горбах, уходили Мишка с Ванькой. С трапа обернулись, в последний раз любовно оглядели корабль, и в молодую команду, выстроенную на палубе, - глаз занозой:

- Ууу, крупа...

Ваньку-Граммифона и Мишку-Крокодила провожали загорелые глаза. В глазах мчались новые ветра и пересыпалось молодое солнце.

1922

ВЕСЕЛЫЙ Артем (Николай Иванович Кочкуров) (1899 - 1939). Реки огненные. Впервые опубликован в журнале "Молодая гвардия", 1923, № 1.

Печатается по изданию: Годы огневые, годы трудовые. 1917 - 1957: Рассказы. Куйбышевское книжное издательство, 1959.

ИБ № 1712

Составитель
Дина Григорьевна Терентьева

ЖИВАЯ ВОДА

Советский рассказ двадцатых годов

Заведующая редакцией Л. Сурова. Редактор Я. Рыльникова. Художник Р. Данциг. Художественный редактор Э. Розен. Технический редактор Л. Маракасова. Корректоры З. Комарова, Ю. Черникова, А. Конькова Сдано в набор 26.12.80. Подписано к печати 17.03.81. Формат 60x84 1/16. Бумага типографская № 3. Гарнитура "Обыкновенная новая". Печать высокая. Усл. печ л. 27,09. Уч-изд. л. 26,84. Тираж 150000 экз. Заказ 810. Цена 2 р. 30 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Московский рабочий". 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина

типография "Красный пролетарий". 103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

OCR Pirat